ПРАВО НА ОШИБКУ

Книга первая

ИНДЕКС ДОВЕРИЯ

Право на ошибку

Вячеслав Котовский

Право на ошибку. Книга первая

«Автор»
2026

Котовский В.

Право на ошибку. Книга первая / В. Котовский — «Автор», 2026 — (Право на ошибку)

Москва ближайшего будущего научилась быть вежливой. Она не запрещает, не кричит и не арестовывает. Она просто перестаёт пускать тебя домой.Когда шестнадцатилетнюю Асю Ермакову метро отказывается везти домой, её отец Кирилл понимает: «Слой», национальная система безопасности, признал его дочь опасной за выбор, который она ещё не сделала. Чтобы спасти Асю, Кириллу придётся идти против механизма, который он сам когда-то помогал строить.След ведёт к старой дороге, которой официально больше нет, к аварии семилетней давности, в которой погибла его жена, и к голосу, который не должен звучать. Потому что иногда самое страшное будущее — не там, где людям всё запрещают. А там, где за них слишком хорошо знают, как будет лучше.

© Котовский В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Рекомендации 5
Глава 1. Город, который сказал «нет» 5
Глава 2. Старая карта 15
Глава 3. Место, которого нет 30
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Право на ошибку. Книга первая

Часть первая. Рекомендации

Глава 1. Город, который сказал «нет»

В шесть сорок вечера Москва перестала признавать мою дочь.

Не сразу вся — это было бы даже честно. Сначала только метро.

Ася позвонила мне с “Киевской”, и первое, что я услышал, был шум толпы: шаги, объявления, гул эскалаторов, короткие металлические писки турникетов. Потом её дыхание. Неровное. Злое. Слишком взрослое для шестнадцати лет.

— Пап, у меня карта не работает.

Я в это время стоял в очереди за хлебом. Обычный вечер, обычный магазин у дома, обычная женщина передо мной выбирала между двумя пакетами молока так долго, будто от этого зависела судьба мира.

— Приложение перезапусти, — сказал я.

— Перезапускала.

— Биометрию пробовала?

— Пробовала.

— Денег хватает?

— Пап.

Вот это “пап” было опасным. Коротким, сухим. Так Ася говорила, когда я начинал чинить проблему, не выслушав, в чём она состоит.

Я вышел из очереди. Женщина с молоком посмотрела на меня с укором, как будто я предал её в важный момент.

— Что на экране? — спросил я.

Ася помолчала.

— “Перемещение не рекомендовано”.

— Что?

— Тут написано: “В целях вашей безопасности рекомендуется воздержаться от поездки”.

— И всё?

— Нет. Ещё кнопка “Понятно”.

— Нажми.

— Я нажимала.

— И?

— Турникет не открывается.

Я посмотрел через стеклянную дверь магазина на улицу.

Люди шли домой. Кто-то нёс цветы. Курьер ругался с велосипедом. На остановке мальчик ел мороженое, хотя было холодно. За окном моросил мелкий апрельский дождь, тот самый московский дождь, который не падает, а висит в воздухе и делает всех чуть несчастнее.

Мир выглядел нормально.

В этом и была проблема.

Когда начинается катастрофа, все ждут сирен, дыма, бегущих людей. Но настоящие катастрофы давно научились выглядеть как уведомление на экране.

— Ты одна? — спросил я.

— Да.

— Ника с тобой?

— Она уехала раньше. Пап, я же сказала, карта не работает.

— Из метро выйти можешь?

— Выйти — да. В поезд не пускает.

— Тогда выйди наверх. Я сейчас вызову тебе такси.

— Я уже вызвала.

— И?

— Оно отменилось.

— Водитель?

— Нет. Приложение. Написало: “Маршрут недоступен”.

Я открыл своё приложение. Ввёл “Киевская”. Потом наш адрес. Машина нашлась сразу: две минуты, серый седан, водитель Рустам, рейтинг 4.91.

Через секунду заказ исчез.

“Поездка не может быть выполнена”.

Без причины. Без номера ошибки. Без виноватого человека, которому можно позвонить и накричать.

Просто нельзя.

Я набрал Асю снова.

— Ты где именно?

— У выхода к торговому центру. Тут охранник на меня смотрит.

— Что за охранник?

— Обычный. Пап, он только что подошёл и спросил, всё ли у меня в порядке.

— Скажи, что да.

— Я сказала.

— И?

— Он попросил меня подождать.

Я уже шёл к машине.

— Не жди.

— Он стоит рядом.

— Ася, послушай меня внимательно. Улыбнись, скажи, что тебе звонит отец, и иди к выходу.

— Пап…

— Просто иди.

В трубке зашуршало. Я услышал её голос, слишком спокойный, нарочно взрослый:

— Извините, мне нужно наверх.

Потом мужской голос:

— Девушка, система рекомендует вам оставаться на месте до прибытия сопровождающего.

Я остановился посреди тротуара.

Не потому, что испугался.

Страх приходит позже. Сначала приходит удивление. Мир делает что-то совершенно невозможное, а ты ещё секунду надеешься, что просто неправильно понял.

— Ася, дай ему телефон.

— Зачем?

— Дай.

Пауза.

Потом голос охранника стал ближе:

— Слушаю.

— Это её отец. Что происходит?

— Гражданину с ограничением перемещения рекомендовано ожидание.

— Каким ограничением?

— Я не вижу основание.

— Тогда на каком основании вы её удерживаете?

— Я её не удерживаю.

— Она может уйти?

Пауза.

Очень короткая. Но достаточная.

— Ей рекомендовано ожидание.

Я открыл дверь машины, сел за руль и захлопнул дверь.

— Послушайте меня. Ей шестнадцать лет. Она одна. Вечер. Вы сейчас отойдёте от неё на три шага и дадите ей выйти из метро.

— Мужчина, не надо повышать голос.

— Я ещё не повышал.

— Все действия направлены на её безопасность.

Вот тут я впервые почувствовал холод.

Не от слов. От интонации.

Охранник не издевался. Не угрожал. Не демонстрировал власть. Он говорил как человек, которому самому неловко, но который уже успел переложить ответственность на что-то большее, умнее и спокойнее его.

На систему.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Сергей.

— Сергей, у вас есть дети?

Он молчал.

— Представьте, что вашу дочь не выпускают из метро, потому что какая-то программа решила, что так безопаснее.

— Это не программа.

— А что?

Он ответил не сразу.

— “Слой”.

Я посмотрел на приборную панель машины.

“Маршрут не рекомендован”.

Серым. Не красным. Красный цвет давно считался слишком тревожным для гражданских интерфейсов. Серый лучше. Он не пугает. Он просто сообщает, что мир сегодня не на вашей стороне.

— Пап? — снова сказала Ася.

Судя по звуку, она забрала телефон.

— Я еду.

— У тебя получится?

Хороший вопрос.

Десять лет назад я помогал строить “Слой”. Тогда мы называли его не системой контроля, а системой заботы. Он должен был подсказывать, предупреждать, защищать от ошибок. Не дать пьяному сесть за руль. Не дать больному забыть лекарство. Не дать ребёнку попасть в опасный район. Не дать человеку разрушить собственную жизнь одним случайным движением.

Мы были не злодеями.

Это особенно неприятно.

Злодеев хотя бы можно ненавидеть без сомнений.

— Получится, — сказал я.

И впервые за много лет понял, что могу соврать дочери не хуже любой государственной платформы.

Я нажал кнопку запуска.

Машина мягко щёлкнула замками, мигнула экраном и сказала женским голосом:

— Движение по выбранному маршруту не рекомендовано. Пожалуйста, выберите безопасную альтернативу.

— Альтернатива, — сказал я, — это моя дочь в метро.

Голос не обиделся.

— Пожалуйста, выберите безопасную альтернативу.

Я снова нажал кнопку.

Ничего.

Смешно. Когда-то я сам говорил, что человеку больше не нужно помнить город. Город сам приведёт куда надо.

Оказалось, это работает только пока город согласен.

Я вышел из машины.

Дождь усилился. Не ливень, нет. Просто небо как будто решило, что сухим в этот вечер оставаться неприлично.

До “Киевской” было почти девять километров. Пешком — больше часа. На метро — смешно. На машине — нельзя. На такси — нельзя. На самокате — приложение показало “транспорт недоступен в вашем районе”. На велосипеде — ближайший стоял в трёх кварталах, и тот, когда я попытался разблокировать, моргнул жёлтым и предложил мне “вернуться к поездке позднее”.

Я почти рассмеялся.

Не потому что было смешно.

Просто организм иногда выбирает неподходящую реакцию, чтобы не сойти с ума.

— Кирилл?

Я обернулся.

У подъезда соседнего дома стоял мужчина лет шестидесяти, в старой кожаной куртке и с зонтом, который видел лучшие годы ещё до моего рождения. Кажется, его звали Виктор Палыч. Или Петрович. В Москве у соседей обычно есть лица, привычки и собаки, но имена запоминаются редко.

— Вам куда? — спросил он.

— На “Киевскую”.

— Пешком?

— Пока да.

Он посмотрел на мою машину. Потом на телефон в моей руке. Потом снова на машину.

— Не пускает?

Я промолчал.

Он кивнул так, будто всё понял. Потом показал рукой во двор.

— У меня “Нива”.

— Она подключена?

— К чему?

Впервые за вечер я почувствовал что-то похожее на надежду.

“Нива” стояла за домом, между мусорными контейнерами и чахлой рябиной. Белая. Ржавая. Настоящая. Из тех машин, которые заводятся не потому, что им разрешили, а потому что у них есть характер и ненависть к зиме.

— Садитесь, — сказал Виктор Палыч.

— Вы даже не спросите, что случилось?

— У людей всегда что-то случается, когда они под дождём бегут к “Киевской”.

Он повернул ключ. Машина кашлянула, задумалась, потом завелась так громко, что где-то сработала сигнализация.

— Ремень там заедает, — сказал он. — Дёрните сильнее.

Я дёрнул.

— Спасибо.

— Не за что. Только если нас остановят, вы мой племянник.

— Почему?

— Потому что я не люблю объяснять незнакомым людям, почему вожу незнакомых людей.

Мы выехали со двора.

Навигатора у него не было. Вместо него на панели лежала сложенная бумажная карта Москвы двухтысячных годов. Сверху — пачка мятных леденцов, иконка Николая Чудотворца и пластиковая собака с качающейся головой.

Город за стеклом жил своей обычной вечерней жизнью. Светились окна аптек, кофейни заманивали скидками, автобусы шуршали по выделенным полосам. На пешеходных переходах люди поднимали воротники и смотрели в телефоны. Все спешили. Все были уверены, что могут попасть туда, куда направляются.

Я тоже был уверен.

До этого вечера.

— У вас кто там? — спросил Виктор Палыч.

— Дочь.

— Не пускают?

— Да.

— За что?

Я хотел ответить: ни за что.

Но это было бы слишком просто.

“Слой” никогда не говорил “за что”. Он говорил “почему лучше не надо”. В этом была его сила. Запрет вызывает сопротивление. Рекомендация вызывает усталое согласие.

— Не знаю, — сказал я.

— Врут.

— Кто?

— Все, кто говорит “не знаю”, когда дело про детей.

Я посмотрел на него.

— Вы философ?

— Нет. Бывший участковый.

— Тогда тем более.

Он хмыкнул.

Мы проехали два квартала и упёрлись в пробку. Не плотную, но странную. Машины стояли слишком ровно, как будто их расставили. Впереди мигал светофор. Зелёный горел долго, но никто не ехал.

Виктор Палыч высунулся в окно.

— Чего стоим?

Из соседней машины выглянула женщина:

— Навигация ведёт в объезд. Говорит, дальше аварийный участок.

— А глазами посмотреть?

— Там блок.

— Какой блок?

Женщина пожала плечами и подняла стекло.

Виктор Палыч посмотрел на меня.

— Ваша история?

— Похоже.

— Держитесь.

Он вывернул руль и полез через двор.

В нормальной машине это выглядело бы нарушением. В “Ниве” — возвращением к природе.

Мы тряслись между гаражами, объезжали контейнеры, протискивались мимо детской площадки, где мокрые качели двигались от ветра. Один раз нам навстречу вышел курьер с огромным рюкзаком и удивлённо поднял руку, будто видел динозавра.

Телефон завибрировал.

Ася.

— Пап, тут пришла женщина.

— Какая женщина?

— Не знаю. В пальто. С бейджем. Она говорит, что из службы сопровождения.

— Не подписывай ничего. Не соглашайся никуда ехать. Не отдавай телефон.

— Она говорит, что мне нужно пройти с ней в комнату ожидания.

— Нет.

— Пап, тут охрана.

— Ася, слушай меня. Ты имеешь право выйти из метро.

Я сказал это и сразу понял, как глупо прозвучало.

Право — штука прекрасная, пока турникет открыт.

— Она хочет с тобой говорить, — сказала Ася.

— Дай.

Через секунду женский голос произнёс:

— Кирилл Андреевич Ермаков?

Я не удивился, что она знает моё отчество. Такие люди всегда знают отчество. Это часть профессии — говорить вежливо так, чтобы собеседник сразу почувствовал себя делом в папке.

— Да.

— Меня зовут Мария Воронцова, служба гражданского сопровождения. Ваша дочь находится в безопасной зоне.

— Моя дочь находится в метро, из которого вы её не выпускаете.

— Её никто не удерживает.

— Отлично. Тогда пусть она выйдет.

— Сейчас это нежелательно.

— Для кого?

Пауза.

— Для неё.

— На основании чего?

— На основании комплексной оценки.

— Я хочу видеть оценку.

— У вас нет доступа к профилю несовершеннолетнего гражданина без процедуры подтверждения.

— Я её отец.

— Именно поэтому процедура подтверждения особенно важна.

Я закрыл глаза.

Вот так начиналось всё плохое в новом мире: с заботливого “особенно важно”.

— Мария, — сказал я. — Я сейчас приеду. Вы передадите мне дочь. Потом мы вместе оформим хоть десять процедур.

— Кирилл Андреевич, я бы не рекомендовала вам двигаться в сторону станции.

— Вы тоже?

— Простите?

— Вы тоже рекомендуете?

— Я стараюсь помочь.

— Тогда помогите. Отойдите от моей дочери.

В трубке стало тихо. Не пусто — я слышал шум станции, шаги, далёкое объявление. Потом Мария сказала уже другим голосом. Мягче.

— Вы ведь знаете, как это работает.

Вот теперь я замолчал.

Виктор Палыч косо посмотрел на меня, но ничего не сказал. “Нива” выползла из двора на широкую улицу. До “Киевской” оставалось чуть больше двух километров.

— Что именно я знаю? — спросил я.

— Что ограничения такого уровня не появляются случайно.

— У моей дочери не может быть ограничений такого уровня.

— Я не могу обсуждать детали.

— Тогда зачем вы мне звоните?

— Чтобы вы не сделали хуже.

— Кому?

И снова пауза.

— Всем.

Связь оборвалась.

Или она повесила трубку.

Или “Слой” решил, что этот разговор больше не рекомендован.

— Плохой звонок? — спросил Виктор Палыч.

— Бывают хорошие?

— Бывают. Когда сообщают, что анализы перепутали.

Я хотел спросить, какие анализы, но не стал. У каждого пожилого мужчины с ржавой “Нивой” и бумажной картой есть история, которую лучше не трогать, если вы не готовы слушать до конца.

Телефон снова завибрировал.

Не звонок. Сообщение.

От неизвестного номера.

Не позволяйте ей петь сегодня.

Я перечитал.

Потом ещё раз.

— Что? — спросил Виктор Палыч.

— Ничего.

Я открыл сообщение. Номера не было. Вместо отправителя — пустое поле. Не “скрытый номер”, не “неизвестно”, не набор символов.

Пусто.

Просто сообщение, которое пришло ниоткуда.

Не позволяйте ей петь сегодня.

У Аси сегодня действительно было выступление.

Не концерт. Так, подростковая полуподпольная история в маленьком зале у знакомых знакомых. Она называла это “вечером свободного звука”, я называл “сборищем людей, которые не умеют вовремя лечь спать”. Мы поспорили утром. Она сказала, что я ничего не понимаю в музыке. Я ответил, что в шуме после одиннадцати вечера ничего понимать и не надо. Она хлопнула дверью.

Обычная семейная ссора.

Такие ссоры особенно страшно вспоминать, когда появляется шанс, что они были последними нормальными.

— Быстрее можно? — спросил я.

Виктор Палыч ничего не ответил. Просто свернул туда, где, по моему мнению, дороги не было.

Оказалось, дорога была. Просто Москва уже давно не показывала её тем, кто ездил по рекомендациям.

Мы выскочили к станции со стороны старого подземного перехода. У входа стояли двое охранников и женщина в тёмном пальто без зонта. Дождь лежал у неё на волосах мелкими каплями, но она будто не замечала.

Рядом с ней была Ася.

Мокрая, злая, испуганная.

Живая.

Я вышел из машины раньше, чем она полностью остановилась.

— Пап!

Ася бросилась ко мне, но женщина в пальто подняла руку. Не схватила. Не закрыла дорогу. Просто подняла ладонь — спокойный жест человека, который уверен, что этого достаточно.

И на секунду этого действительно оказалось достаточно.

Ася остановилась.

Не потому что послушалась женщину.

Потому что за последние двадцать лет мы все привыкли останавливаться, когда кто-то от имени системы делает спокойный жест.

Я подошёл и взял дочь за плечи.

— Всё нормально?

— Нет, — сказала она.

Хороший ответ. Честный.

Женщина в пальто посмотрела на меня.

— Кирилл Андреевич, я понимаю ваше состояние.

— Не понимаете.

— Ваша дочь не задержана.

— Тогда мы уходим.

— Это нежелательно.

— Вы уже говорили.

— Я не Мария Воронцова.

— А кто вы?

Она достала удостоверение. Быстро, но так, чтобы я успел увидеть эмблему “Слоя”: тонкие полупрозрачные линии, сходящиеся в круг. Когда-то мне нравился этот знак. Он казался спокойным. Умным. Почти красивым.

— Ирина Морозова, — сказала она. — Координационный совет безопасности.

Имя ударило сильнее, чем должно было.

Я знал его. Не лично. По подписям под документами, по закрытым совещаниям, по тем формулировкам, которые всегда звучали разумно, пока не начинали касаться твоей жизни.

— Ради моей дочери приехал Координационный совет?

— Не ради вашей дочери.

— Тогда ради кого?

Она посмотрела на Асю.

Не зло. Не холодно. Скорее с интересом врача, который видит редкий симптом.

— Ради того, что она может сделать.

Ася резко выдохнула.

— Я ничего не сделала.

— Да, — сказала Морозова. — Именно.

Я почувствовал, как дочь сжала мою руку.

— Мы уходим, — сказал я.

— Кирилл Андреевич, вы умный человек. Вы были среди тех, кто понимал: иногда система видит дальше отдельного человека.

— Дальше — не значит лучше.

— Иногда значит.

— Не когда речь о ребёнке.

— Особенно когда речь о ребёнке.

Я шагнул ближе.

Охранники напряглись, но не двинулись. Морозова даже не моргнула.

— Вы сейчас скажете мне основание, — тихо сказал я. — Или я устрою здесь такое, что завтра каждый родитель в этой стране узнает, как “Слой” обращается с детьми.

Она посмотрела на меня почти с сожалением.

— Завтра каждый родитель в этой стране скажет спасибо, если система не даст его ребёнку оказаться рядом с бедой.

— Какой бедой?

— Той, которая ещё не случилась.

Дождь стекал по её лицу. Она не вытирала капли.

— Вы правда не понимаете, что говорите? — спросил я.

— Понимаю лучше, чем вы думаете.

— Моя дочь хотела поехать на выступление.

— Да.

— И всё?

— Нет.

— Что “нет”?

Морозова медленно перевела взгляд на Асю.

— Она хотела не только петь.

Ася побледнела.

Я повернулся к ней.

— Что это значит?

— Ничего.

— Ася.

— Ничего, пап.

Вот теперь я услышал ложь.

Не большую, не преступную. Подростковую. Испуганную. Такую, после которой родители обычно злятся, потому что злость проще страха.

— Что ты собиралась сделать? — спросил я.

Она молчала.

Морозова сказала:

— В девятнадцать сорок ваша дочь должна была встретиться с человеком, которого не существует в гражданском контуре.

— С кем? — спросил я.

Ася выдернула руку.

— Вы следили за мной?

— Система фиксирует риски.

— Вы следили!

— Ася, — сказал я.

— Нет, пап! Они не имеют права!

И вот это было самое страшное: она была права.

Абсолютно.

Бесполезно.

Морозова повернулась ко мне.

— Уведите её домой. Сегодня. Без выступления. Без встреч. Без попыток обойти ограничения. Завтра мы свяжемся с вами официально.

— А если я не послушаю?

— Тогда вы подтвердите прогноз.

— Какой прогноз?

Она убрала удостоверение в карман.

— Что в критический момент вы выберете личное вместо общего.

Я чуть не рассмеялся ей в лицо.

— Вы говорите с отцом.

— Именно.

— Для отца личное и есть общее.

Впервые за весь разговор в её лице что-то изменилось. Очень немного. Как будто где-то глубоко под слоем выученного спокойствия шевельнулась усталость.

— Когда-то я тоже так думала, — сказала она.

Потом отступила на шаг.

Охранники тоже отступили.

Проход был свободен.

И это было хуже всего.

Нас не держали. Нам не угрожали. Нас даже не просили подписать бумаги. Нам просто позволили уйти — так, чтобы каждый наш следующий шаг выглядел нашим собственным выбором.

Я взял Асю за руку.

— Идём.

Она не сопротивлялась.

Виктор Палыч ждал у машины. Курил, хотя на стекле висела наклейка “Не курить рядом с детьми”. Когда мы подошли, он бросил сигарету в лужу.

— Домой? — спросил он.

Я посмотрел на Асю.

Она смотрела не на меня. На телефон.

— Что? — спросил я.

Она показала экран.

Новое уведомление.

Серое. Вежливое.

Ваше присутствие дома сегодня не рекомендовано.

Под ним была кнопка.

Понятно.

Я поднял глаза.

На другой стороне улицы стояла Ирина Морозова.

Она не улыбалась.

Просто ждала, когда мы поймём: город сказал “нет” не только моей дочери.

Теперь он сказал “нет” нам обоим.

Глава 2. Старая карта

— Домой не рекомендовано? — переспросил Виктор Палыч.

Он сказал это почти спокойно. Так, будто речь шла не о сообщении, от которого у меня внутри всё съехало на пару сантиметров в сторону, а о погоде, ценах на бензин или очередном перекрытии в центре. Бывают люди, которые не пугаются сразу. Не потому, что храбрые. Просто они уже столько раз за жизнь пугались, что теперь сначала смотрят, куда поставить ногу.

Я всё ещё держал Асин телефон в руке.

Экран светился серым.

Ваше присутствие дома сегодня не рекомендовано.

Ни угрозы. Ни приказа. Ни даже запрета. Только рекомендация, сформулированная так мягко, будто речь шла о том, стоит ли брать зонт.

Под текстом была кнопка.

Понятно.

Я смотрел на неё и почему-то думал, что когда-то сам одобрял такие формулировки. Не конкретно эту, конечно. Но сам подход. Никаких резких слов. Никаких “запрещено”, “отказано”, “доступ закрыт”. Человек не должен чувствовать, что его прижали к стене. Человеку нужно дать ощущение, что он всё понял и сам согласился.

Тогда это называлось снижением тревожности пользователя.

Теперь я впервые увидел, как выглядит тревожность пользователя по ту сторону интерфейса.

— Не нажимай, — сказал я.

Ася подняла на меня глаза.

У неё ресницы слиплись от дождя. Волосы прилипли к вискам. На куртке темнели мокрые пятна, и вообще она выглядела не как опасный объект прогнозирования, а как обычная шестнадцатилетняя девчонка, которой холодно, страшно и очень хочется не показать ни того, ни другого.

— Почему? — спросила она.

Я не ответил сразу.

Вопрос был простой. Ответа не было.

Раньше я бы сказал: “Потому что любое действие фиксируется”. Или: “Потому что подтверждение может считаться согласием”. Или: “Потому что мы не знаем, какой сценарий запускает кнопка”. Всё это звучало умно, но сейчас было не главным.

Главное было в другом: я больше не доверял даже слову “понятно”.

— Потому что я не знаю, что произойдёт после этого, — сказал я наконец.

Ася медленно забрала телефон.

— Здорово, — сказала она. — Раньше ты всегда знал.

Это было несправедливо. И поэтому особенно больно.

За нашими спинами станция жила своей обычной вечерней жизнью. Из подземного перехода поднимались люди, раскрывали зонты, ругались на дождь, проверяли сообщения, поправляли шарфы. Женщина в красном пуховике тащила за собой мальчика лет семи; мальчик прыгал через лужи и был совершенно уверен, что мир создан для того, чтобы в нём прыгать через лужи. У входа в торговый центр курили двое курьеров. На остановке автобус устало открывал двери, выпуская пар и людей.

Никто не смотрел на нас.

И это тоже пугало.

Катастрофа, которую видишь только ты, всегда кажется менее настоящей. Словно мир ещё может сказать: “Ты преувеличиваешь, Кирилл. Просто сбой. Просто совпадение. Просто вечер не задался”.

На другой стороне улицы стояла Ирина Морозова.

Она не приближалась. Не звонила. Не давала распоряжений охране. Просто стояла под дождём, аккуратная, неподвижная, в тёмном пальто, и смотрела так, будто у неё было время. У неё вообще, кажется, было всё, чего не было у меня: время, понимание, план.

— В машину, — сказал я.

Ася не двинулась.

— Куда мы поедем?

— Пока отсюда.

— Это не ответ.

— Сейчас это лучший ответ из тех, что у меня есть.

Она посмотрела через дорогу на Морозову.

— Она ждёт, что мы уедем.

— Возможно.

— Значит, туда, куда мы поедем, тоже нельзя.

Я хотел возразить. Хотел сказать что-то взрослое: что нельзя застывать на месте, что сначала надо уйти из-под камер, что потом мы разберёмся. Но Ася сказала не глупость. Более того — она сказала ровно то, о чём я сам боялся подумать.

Морозова не останавливала нас, потому что остановка была не нужна.

Слой не был забором. Забор легко увидеть, потрогать, перелезть, сломать. Слой был средой. Воздухом. Согласованной вежливостью людей, приложений, турникетов, камер, машин, врачей, школ, дверей.

Если среда решила, что тебе нельзя домой, то вопрос “куда ехать?” становился не логистическим, а почти философским.

— На месте думать нельзя, — сказал Виктор Палыч. — На месте вас запоминают.

Он стоял рядом со своей “Нивой”, старой, белой, ржавой по нижней кромке дверей. Машина казалась случайно выжившей из другого века. Не ретро, не коллекционной, не модной. Просто вещь, которую слишком долго не выбрасывали, и в какой-то момент она стала снова нужной.

— Вы уверены? — спросил я.

— Нет, конечно. Уверены только дураки и навигаторы. Но поехать всё равно надо.

— Вам не обязательно в это вмешиваться.

Виктор Палыч посмотрел на меня с лёгким удивлением.

— Молодой человек, я уже вмешался. Вы сели ко мне в машину, я вас привёз, теперь рядом мокрый ребёнок, а на той стороне стоит женщина, которая слишком спокойно смотрит. В моём возрасте отступать поздно. Некрасиво получается.

— Вам могут быть проблемы.

— У меня уже есть проблемы. Спина, давление, бывшая жена и сосед сверху, который двигает мебель по ночам. Остальное — факультатив.

Ася вдруг тихо сказала:

— Спасибо.

Виктор Палыч кивнул ей серьёзно, без улыбки.

— Спасибо потом. Когда доедем туда, где можно чай пить, а не под дождём героизм изображать.

Мы сели.

Внутри “Нивы” пахло мокрой тканью, бензином, старым пластиком и чем-то сладковатым — мятными леденцами, которые лежали в открытой пачке возле рычага коробки пере-

дач. Под лобовым стеклом сидела маленькая пластиковая собака с качающейся головой. Когда Виктор Палыч повернул ключ, собака закивала, будто соглашалась с тем, что да, всё плохо, но ехать придётся.

Машина завелась не сразу. Сначала кашлянула, потом обиделась, потом заурчала так громко, что проходивший мимо курьер вздрогнул и оглянулся.

— Хорошая машина, — сказал Виктор Палыч, поглаживая руль. — С характером.

— Она хотя бы не спрашивает разрешения, — сказал я.

— Вот именно. В наше время это уже роскошь.

Ася сидела сзади, прижав телефон к груди. Не смотрела ни на меня, ни в окно. В салоне было тесно: мои колени упирались в бардачок, плечо задевало мокрую куртку Виктора Палыча, стекло запотевало изнутри. Дворники скребли по лобовому стеклу с таким звуком, будто пытались стереть не дождь, а сам вечер.

— Телефоны выключить, — сказал Виктор Палыч.

— Это не поможет, — ответил я.

Он пожал плечами.

— Может, и не поможет. Но человек, который знает, что за ним следят, становится глупее. А выключенный телефон хотя бы делает вид, что мы свободны.

Я выключил свой. Потом протянул руку назад.

— Ась.

— Нет.

— Дай телефон.

— Нет.

— Ася, я не забираю его навсегда.

— Конечно. Только пока тебе страшно.

Я обернулся.

— Мне действительно страшно.

Она явно не ожидала этого. Подготовилась спорить, отбиваться, говорить, что я всё контролирую, что я опять командую. А я сказал правду, и она на секунду растерялась.

— Мне тоже, — сказала она тише.

Вот это “тоже” оказалось важнее всего, что мы сказали друг другу за вечер.

Я опустил руку.

— Тогда не отдавай. Просто отключи связь. Полностью. Геолокацию тоже.

— Я не дура.

— Я знаю.

— Иногда кажется, что забываешь.

— Иногда я многое забываю.

Она смотрела на меня из темноты заднего сиденья. Машина выруливала с площади, фары встречных автомобилей резали стекло белыми полосами, и в этом прерывистом свете её лицо то появлялось, то исчезало. Совсем как в детстве, когда мы ехали ночью с дачи, а она засыпала на заднем сиденье, держа в руках плюшевого зайца. Маша тогда всегда говорила: “Не включай громко музыку, она почти уснула”. И я не включал.

Странно, что память иногда возвращает не важные события, а мелочи: мокрые варежки на батарее, потерянную заколку, голос жены из кухни, запах гречки, которую никто не хотел есть.

— Куда? — спросил Виктор Палыч.

Я посмотрел на экран в машине — вернее, на то место, где в нормальной современной машине был бы экран. В “Ниве” там была пустая пластиковая панель с трещиной.

— Пока не знаю.

— Хороший маршрут. Самый честный.

Он поехал не по большой улице, а сразу свернул во двор. Потом в другой. Потом в узкий проезд между домами, где асфальт был весь в заплатах, а мусорные контейнеры стояли так, будто их расставлял человек с обидой на автомобилистов.

— Вы город без навигатора помните? — спросил я.

— Я его ногами помню. Это лучше.

— Сейчас всё изменилось.

— Дома стоят там же. Дороги почти там же. Люди изменились, это да. Раньше человек спрашивал дорогу у человека. Теперь спрашивает у телефона, а человек рядом ему только мешает.

Он говорил без злобы. Скорее с усталой иронией человека, который видел несколько вариантов Москвы и ни один не считал окончательным.

Мы проехали мимо круглосуточной аптеки. Над входом светилась надпись: “Забота рядом”. Белые буквы на мягком зелёном фоне. Я раньше почти не замечал такие фразы. Они были частью городского шума: забота, комфорт, безопасность, доверие, умный выбор. Слова, которые так часто повторяют, что они перестают что-то значить.

Сегодня каждое из них выглядело подозрительно.

— Расскажи про выступление, — сказал я.

Ася молчала.

— Не как следователь, — добавил я. — Как отец, который только что узнал, что его дочь собиралась куда-то ночью, встретиться с человеком без фамилии, а потом её из-за этого остановила система, которую отец когда-то помогал строить. Согласись, для спокойствия тут маловато исходных данных.

Она фыркнула.

— Ты даже когда шутишь, звучишь как служебная записка.

— Это профессиональная деформация.

— Нет. Это ты.

Я хотел обидеться, но не успел. Потому что в этом тоже была правда.

— Ладно, — сказала она после паузы. — Только ты не перебивай.

— Постараюсь.

— Именно постарайся, а не делай вид.

— Хорошо.

Она устроилась глубже на сиденье, подтянула колени, хотя места там почти не было.

— Это не концерт в нормальном смысле. Там маленький зал. Его все называют “Подвал”, хотя он уже давно не подвал. Раньше там был театр, потом какие-то лекции, потом склад декораций. Сейчас там собираются люди. Музыка, тексты, видео, всякое. Без афиш. Если афиша появляется, место закрывают.

— Кто закрывает?

— Никто. Просто потом туда начинают приходить правильные люди и объяснять, как сделать мероприятие безопаснее, комфортнее, полезнее. После этого туда уже никто нормальный не ходит.

Виктор Палыч тихо хмыкнул.

— Знакомая история. В моё время тоже стоило чему-то стать полезным, как оно сразу умирало.

— Вот, — сказала Ася с неожиданной благодарностью. — Он понимает.

— Он вообще многое понимает, но это не значит, что тебе стоит встречаться неизвестно с кем, — сказал я.

— Ян не “неизвестно кто”.

— А кто?

— Он пишет.

— Все пишут.

— Нет. Не так. Он пишет так, будто… будто видит дырки.

— В чём?

— В том, что нам показывают.

Я не стал перебивать. Сдержался. Это оказалось сложнее, чем я думал.

— Я нашла его текст случайно, — продолжила Ася. — В старой сетке. Не спрашивай, какой.

— Я уже понял, что спрашивать бесполезно.

— Не бесполезно. Просто ты потом начнёшь объяснять, что это опасно, незаконно, глупо и вообще я не понимаю последствий.

— А ты понимаешь?

Она задумалась.

— Не до конца. Но ты тоже не понимаешь. Разница только в том, что тебе за непонимание платят взрослую зарплату.

Виктор Палыч кашлянул, пряча улыбку.

Я посмотрел на него.

— Не помогаете.

— Я дышу.

Ася продолжила:

— Текст был про человека, которого можно полностью описать, но нельзя понять. Про то, что если собрать все данные — где он был, что покупал, с кем говорил, когда молчал, кому улыбался, какие песни слушал, — всё равно останется что-то, чего нет в профиле. Вот это “что-то” и есть он. Не рейтинг, не риск, не траектория, не полезность. Просто он.

Она произнесла последние слова тихо, почти стесняясь. Как будто боялась, что я сейчас рассмеюсь.

Я не рассмеялся.

Мне вдруг стало очень неуютно.

Не потому, что мысль была опасной. А потому, что слишком простой. Настолько простой, что её действительно давно пора было произнести вслух.

— И ты решила спеть этот текст? — спросил я.

— Я написала музыку. Ян сказал, что сегодня её должны услышать.

— Кто?

— Не знаю.

Я всё-таки не выдержал.

— Ася, это плохо.

— Я знаю, как звучит.

— Нет, не знаешь. Ты собиралась выполнить просьбу человека, которого никогда не видела, который появился в закрытой сети, дал тебе текст, назначил время, место и “нужных людей”. Это не романтика. Это манипуляция.

Она резко подалась вперёд.

— А то, что делает Слой, — не манипуляция? Когда мне школа предлагает “индивидуальную траекторию”, а все варианты, которые мне интересны, почему-то становятся менее рекомендованными? Когда мне приложение пишет, что общение с Никой “эмоционально нестабилизирующее”, потому что её мать судилась с работодателем? Когда врач смотрит не на меня, а на мой профиль риска, и говорит, что мне лучше избегать сильных переживаний? Вы все постоянно мной манипулируете. Просто делаете это чистыми руками и красивыми словами.

Я замолчал.

Потому что на этот раз спорить было нельзя. Не потому, что она была полностью права. А потому, что в её словах было достаточно правды, чтобы любой немедленный ответ стал ложью.

За окном потянулась набережная. Чёрная вода реки блестела под фонарями. На другом берегу горели офисы, ровные, прозрачные, как витрины будущего. В окнах там ещё сидели люди. Маленькие фигурки за стеклом, склонившиеся над экранами. Наверное, кто-то из них сейчас тоже строил систему, которая однажды объяснит его ребёнку, что выходить из дома нежелательно.

— Он говорил обо мне? — спросил я.

Ася не сразу ответила.

— Да.

— Что именно?

— Что ты был среди тех, кто построил первый замок.

Слова повисли в салоне.

Первый замок.

Я не знал такого термина. По крайней мере, не помнил. Но тело отреагировало раньше разума: в груди стало холодно, будто кто-то открыл дверь на мороз.

— Ты раньше слышала это выражение? — спросил я.

— Нет.

— А он объяснил?

— Сказал, что я должна спросить у тебя.

— Удобно.

— Он не говорил как мошенник, пап.

— А как говорят мошенники?

— Слишком уверенно. А он… он как будто сам боялся.

— Чего?

— Что я соглашусь.

Виктор Палыч вдруг сбросил скорость.

Впереди, в арке между домами, мигали синие огни.

Не полицейская погоня. Не кино. Просто машина городской безопасности, стоящая поперёк проезда. Рядом переносной светящийся щит: “Проверка маршрутов. Приносим извинения за неудобства”.

За щитом стояли двое в форме. Один разговаривал с водителем микроавтобуса. Второй смотрел по сторонам и держал в руках планшет.

— Объехать? — спросил я.

— Поздно, — сказал Виктор Палыч. — Если сейчас дёрнемся, станем интересными. А я всю жизнь старался быть скучным. Это недооценённый талант.

— Ася, — сказал я тихо.

— Я не буду ложиться на сиденье.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но хотел.

Она была права.

И снова это раздражало.

— Тогда просто молчи.

— Я умею.

— Не всегда.

— В тебя.

Виктор Палыч засмеялся себе под нос.

— Хорошая девочка.

Мы подъехали к посту.

Молодой человек в форме поднял руку. Лицо у него было аккуратное, почти студенческое. Такие лица плохо подходят к власти: они ещё не успели понять, что власть портит не

только тех, кто ею злоупотребляет, но и тех, кто просто привык передавать чужие решения дальше.

Виктор Палыч опустил стекло. В салон вошёл холодный мокрый воздух.

— Добрый вечер, — сказал патрульный.

— Кому как, — ответил Виктор Палыч.

Патрульный секунду переваривал это отклонение от протокола.

— Проводится проверка маршрутов. Куда направляетесь?

— Домой.

— Адрес?

— Молодой человек, я с вами только познакомился. Рано вам мой адрес.

— Это формальная процедура.

— Вот когда жениться будем, тогда и формальности.

Патрульный посмотрел на него без улыбки.

Я почувствовал, как Ася сзади напряглась.

— В машине несовершеннолетняя? — спросил он.

— У вас хорошее зрение.

— Документы несовершеннолетней.

— Они у отца, — сказал Виктор Палыч и кивнул на меня. — Я водитель. Частный, бесплатный, пожилой. Самый опасный вид транспорта.

Патрульный перевёл взгляд на меня.

— Ваша фамилия?

Я назвал.

Он ввёл что-то в планшет.

Мне показалось, что я слышу собственное сердце. Хотя, возможно, это просто двигатель “Нивы” работал с таким звуком, будто собирался умереть достойно и публично.

Экран планшета мигнул.

Потом погас.

Патрульный нахмурился, постучал пальцем по стеклу, нажал боковую кнопку. Ничего.

— Проблемы? — спросил Виктор Палыч почти ласково.

— Техническая задержка.

— Конечно. У техники всегда задержка, когда человеку надо домой.

Второй патрульный подошёл ближе. Достал свой планшет. Тот тоже мигнул и погас.

На секунду под аркой стало темнее. Не полностью — просто лампа над нами пару раз дрогнула, как старый глаз.

Ася тихо сказала:

— Это он.

Я не обернулся.

— Кто?

— Ян.

Патрульный поднял голову.

— Что вы сказали?

Ася молчала.

Я сказал:

— Дочь нервничает. Вы нас задерживаете?

Он посмотрел на нас. На Виктора Палыча. На Асю. На погасший планшет. На арку, в которой капала вода с крыши.

В его лице прошла короткая борьба между инструкцией и желанием не становиться частью чужой ночной беды.

Инструкция почти победила.

Потом где-то у него в кармане пискнула рация. Он отвернулся, послушал, сказал короткое “понял” и снова посмотрел на нас.

— Проезжайте.

— Так проверка же, — сказал Виктор Палыч. — Вы уж определитесь, гражданин начальник. А то я человек пожилой, мне неопределённость вредна.

— Проезжайте, — повторил патрульный.

Мы проехали.

Не быстро. Старые машины не умеют красиво скрываться. Они умеют только ехать, скрипеть и делать вид, что так и надо.

Когда синие огни остались позади, я повернулся к Асе.

— Объясни.

Она смотрела в окно.

— Когда Ян появлялся в чате, у некоторых всё зависало. Не у всех. Только у тех, кто пытался открыть его профиль или пожаловаться на сообщение.

— Ты понимаешь, что это не аргумент в пользу встречи?

— Понимаю.

— Тогда зачем?

Она повернулась ко мне. В глазах стояли слёзы, но голос был злой.

— Потому что мне надоело, что все хотят меня защитить от жизни. Ты, школа, Слой, врач, приложения, рекомендации. Все знают, где мне быть безопаснее. Все знают, с кем мне общаться полезнее. Все знают, какая музыка меня “стабилизирует”. А я хочу хотя бы раз сделать что-то не потому, что это безопасно.

— Даже если это опасно на самом деле?

— Да.

Ответ был глупый, честный и страшный.

И я вдруг понял, что именно это Слой никогда не сможет нормально обработать. Не потому, что ему не хватает данных. А потому, что в человеческом “даже если” есть то, что нельзя перевести в оптимизацию.

— Есть человек, — сказал я после долгой паузы. — Возможно, поможет.

— Из Слоя?

— Бывшая.

— Твоя бывшая?

— Бывшая сотрудница.

— Уточняй, пожалуйста. У меня и так вечер тяжёлый.

Виктор Палыч одобрительно кивнул.

— Юмор есть. Значит, жить будет.

Я включил телефон всего на несколько секунд. Экран сразу ожил уведомлениями: пропущенные вызовы, системные предупреждения, сообщение от неизвестного отправителя без номера. Я не открыл их. Нашёл контакт, который не трогал пять лет.

Лера Бестужева.

Имя выглядело на экране почти чужим.

В последний раз я видел Леру в переговорной без окон. Тогда ещё всё было официально прилично: стеклянный стол, вода в бутылках, протокол встречи, четыре человека из юридического отдела, двое из безопасности и я — человек, который хотел верить, что занимается сложным, но нужным делом.

Лера тогда сказала:

— Вы строите интерфейс клетки и называете это заботой о птицах.

Кто-то засмеялся. Кто-то сделал вид, что не услышал. Я промолчал.

Иногда молчание — это тоже подпись.

Я написал:

Нужна помощь. Со мной дочь. Нас ограничил Слой. D-0.

Ответ пришёл так быстро, будто она ждала.

Телефон выключи.

Через несколько секунд:

Через двадцать минут. “Вторая память”. Не входить с главной улицы.

И ещё одно:

Если с тобой ребёнок — не ври ей. Они на этом ловят.

Я выключил телефон.

— Куда? — спросил Виктор Палыч.

— На Покровку. Книжный магазин.

— Ночью?

— Он не совсем книжный.

— В Москве всё не совсем то, чем называется, — сказал он. — Особенно если работает ночью.

Мы ехали почти молча.

Город за окнами менялся. Широкие улицы оставались уверенными в себе: гладкий асфальт, подсвеченные фасады, ровные потоки машин, кафе с прозрачными стенами, где люди сидели над чашками и выглядели так, будто у них есть планы на завтра. Но чем ближе мы подъезжали к старым переулкам, тем больше Москва начинала вспоминать прежнюю себя.

Здесь были дома с облупленной лепниной, арки, пахнущие сыростью, подвалы с железными дверями, окна, за которыми кто-то хранил жизнь без подписки и обновлений. Старый центр всегда казался мне не красивым, а упрямым. Он пережил слишком много проектов улучшения, чтобы всерьёз верить в очередное слово “комфорт”.

“Вторая память” пряталась в боковом переулке, в доме цвета мокрого песка. Вывески почти не было — только маленькая латунная табличка рядом с тяжёлой деревянной дверью:

Бумажные книги. Ремонт часов. Оценка архивов.

— Неплохой набор, — сказал Виктор Палыч. — Книги, часы, архивы. Всё, что мешает людям жить настоящим.

— Или помогает не верить каждому настоящему, — сказал я.

Он посмотрел на меня с уважением.

— Красиво сказали. Наверное, от страха.

Мы вышли из машины.

Дождь почти закончился, но с крыш ещё капало. Во дворе пахло мокрой листвой, кирпичом и старым железом. Где-то наверху хлопнула форточка. В окне второго этажа женщина гладила бельё и смотрела телевизор. Я увидел её профиль, пар от утюга, голубой свет экрана — и вдруг остро позавидовал этой простой, невидимой жизни.

Дверь магазина открылась до того, как я успел постучать.

Лера Бестужева стояла на пороге.

Она изменилась. Не сильно, но именно так, как меняются люди, которые долго не просили разрешения быть собой. Волосы стали длиннее, у висков появилась седина. Лицо похудело. Взгляд остался прежним — внимательный, сухой, почти неприятный. Лера всегда смотрела так, будто видела не только человека, но и оправдания, которые он приготовил заранее.

— Кирилл, — сказала она.

— Лера.

Она посмотрела на Асю. Не оценивающе, не жалостливо. Просто внимательно.

— Это Ася?

— Я сама могу представиться, — сказала дочь.

Лера кивнула.

— Хорошо. Представься.

Ася чуть растерялась от того, что ей не стали возражать.

— Ася.

— Лера. Проходи, Ася. И постарайся ничего здесь не трогать без спроса. Некоторые вещи старше наших ошибок.

— А мои ошибки уже достаточно старые?

— Судя по тому, что ты здесь, они быстро взрослеют.

Ася неожиданно улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

У входа стояла металлическая коробка, похожая на старый сейф для писем.

— Телефоны туда, — сказала Лера.

— Они выключены, — ответил я.

— Кирилл, я рада, что ты за пять лет сохранил способность верить в выключенные телефоны. Это почти трогательно.

Я положил свой телефон в коробку. Ася — свой, неохотно, будто отрывала от себя кусок кожи. Виктор Палыч достал старый кнопочный аппарат, посмотрел на него с сомнением и тоже бросил внутрь.

Лера подняла бровь.

— Это музейный экспонат?

— Подарок внука. Сказал, дед, бери, там ничего лишнего. Обманул. Там фонарик.

— Фонарик оставим как угрозу цивилизации.

Она закрыла коробку. Металл глухо щёлкнул.

В магазине пахло бумагой.

Не “книжным ароматом”, который любят романтизировать люди, покупающие новые издания в подарочной упаковке. Здесь пахло настоящей бумагой: пылью, клеем, высохшими чернилами, картоном, временем. Полки стояли до потолка и, кажется, слегка наклонялись вперёд, как старики, которым интересно послушать разговор. На столах лежали книги без обложек, пачки писем, старые фотографии, часы с открытыми механизмами. В углу стоял граммофон, рядом — электрический чайник, настолько современный, что выглядел здесь почти неприлично.

На стене висела карта Москвы. Большая, бумажная, исчерченная карандашными линиями и цветными булавками. Рядом — несколько старых транспортных схем, пожелтевшие газетные вырезки, фотографии дворов, подъездов, лестниц, подземных переходов.

— Ты устроила штаб, — сказал я.

— Нет. Штаб — это когда люди верят, что управляют ситуацией. У меня склад чужих свидетельств.

— Свидетельств чего?

— Того, что с людьми можно сделать почти всё, если не называть это насилием.

Она провела нас в заднюю комнату.

Комната была маленькая, но не тесная. Скорее плотно набитая смыслом. Большой деревянный стол занимал почти всё пространство. На нём стояли чашки, лампа с зелёным абажуром, коробка с карточками, пепельница, хотя в помещении не пахло табаком, и старый диктофон. Возле стены — шкафы с папками. На одной полке — стеклянная банка с пуговицами, на другой — несколько наручных часов без ремешков. Окна не было. Единственный свет давала настольная лампа, и от этого лица сразу становились резче, а тени — честнее.

— Садитесь, — сказала Лера.

Мы сели. Я — напротив неё. Ася — рядом со мной, но чуть отодвинувшись. Виктор Палыч устроился ближе к двери, как человек, который не претендует на участие в разговоре, но оставляет за собой право первым ударить стулом, если разговор пойдёт неправильно.

Лера поставила чайник.

— Чай?

— У нас нет времени, — сказал я.

— Тогда тем более чай. Люди, которые говорят “нет времени”, обычно собираются принять плохое решение быстро.

Она достала четыре чашки. Разные. Одна с трещиной у ручки, одна с выцветшими цветами, одна с логотипом какой-то конференции десятилетней давности, одна простая белая. Мне досталась белая. Асе — с цветами.

— Я не ребёнок, — сказала Ася.

— Я знаю. Поэтому дала тебе самую целую.

Ася посмотрела на чашку внимательнее и ничего не ответила.

Лера налила чай. Чёрный, крепкий. С запахом лимонной корки и чего-то травяного. Я взял чашку обеими руками и только тогда понял, что замёрз.

— D-0, — сказала Лера. — Ты уверен?

— Я видел уведомления. Морозова подтвердила косвенно.

— Морозова была лично?

— Да.

Лера не удивилась. Это мне не понравилось.

— Значит, дело не только в девочке.

— Спасибо, — сказала Ася. — Очень приятно быть не только девочкой.

Лера повернулась к ней.

— В данном случае это хорошая новость. Если бы дело было только в тебе, тебя бы уже изолировали. Вежливо, законно, с психологом и горячим питанием. Раз ты здесь, значит, они пока сами не уверены, что происходит.

— А вы уверены?

— Нет.

— Тогда чем вы лучше них?

Лера медленно улыбнулась.

— Тем, что говорю “не уверена” вслух.

Ася приняла это. Не простила, не доверилась, но приняла.

Лера открыла ящик стола и достала папку. Бумажную. На обложке не было надписи, только чёрная линия, проведённая маркером.

— Первые случаи я начала собирать два года назад, — сказала она. — Тогда это выглядело как социальная невезучесть. Человек не мог устроиться на работу, хотя формально ему никто не отказывал. Другому постоянно переносили запись к врачу. Третьему закрывали образовательные заявки. Четвёртому банк не давал кредит, но каждый раз по разной причине. Пятый не мог арендовать жильё: собственники сначала соглашались, потом вдруг передумывали.

Она разложила на столе фотографии.

Обычные лица. Не герои, не преступники, не мученики. Женщина у входа в клинику. Мужчина в дешёвом костюме на автобусной остановке. Подросток с рюкзаком возле школьного забора. Старик у банкомата, который, видимо, только что отказался выдать ему деньги. Молодая мать с коляской перед закрытой дверью какого-то учреждения.

— Их не арестовывают, — продолжала Лера. — Не объявляют опасными. Не лишают прав. Им просто начинают предлагать менее удобную жизнь. Чуть дальше поликлиника. Чуть хуже школа. Чуть дольше дорога. Чуть дороже страховка. Чуть меньше доверия. По отдельности — ничего. Вместе — человек медленно выпадает из нормальности.

Я смотрел на фотографии и чувствовал неприятное узнавание.

Не людей. Механизма.

Так работали самые эффективные ограничения: не ударом, а уклоном. Достаточно слегка наклонить поверхность, и человек сам покатится туда, куда нужно.

— Сколько их? — спросил я.

— Я знаю о ста двадцати семи. Подозреваю, что их тысячи. Может, десятки тысяч. Просто большинство думает, что им не повезло.

— Почему ты называешь это D-0?

— Потому что один из них однажды увидел внутренний статус. На секунду. В окне терминала. Успел сфотографировать. Через день фото исчезло из облака, с телефона, из переписки. Но он успел распечатать.

Она достала лист.

На нём была фотография экрана. Нечёткая, с бликом, но строка читалась:

D-0 / доверие ограничено / прогнозная ветка нестабильна

Ася наклонилась ближе.

— “Прогнозная ветка” — это я?

— Не ты, — сказала Лера. — Возможная ты. Та, которую система увидела впереди и не смогла принять.

— А если эта возможная я лучше настоящей?

Лера посмотрела на неё с неожиданной мягкостью.

— Тогда системе тем более страшно.

Я поднял глаза.

— Ты говоришь так, будто D-0 не про опасность.

— Я думаю, что это не только про опасность. Это про непредсказуемость. Слой терпит плохих людей, если они понятны. Он умеет учитывать жадность, трусость, агрессию, зависимость, лояльность, страх. Но он плохо переносит тех, кто в критический момент может выбрать не по расчёту.

— Красиво звучит, — сказал я. — Но Морозова приехала не из-за красивой теории.

— Конечно. Поэтому мне нужен текст.

Ася напряглась.

— Какой текст?

— Тот, который ты должна была петь.

— Откуда вы знаете?

— Потому что если систему испугал подростковый концерт, значит, дело не в гитаре.

Ася молча полезла во внутренний карман куртки и достала сложенный вчетверо листок. Бумага была влажной по краям. Я уставился на неё.

— Ты сказала, всё в телефоне.

— Я сказала, музыка в телефоне. Текст на бумаге.

— Почему?

Она пожала плечами.

— Ян сказал, что важные слова лучше держать так, чтобы их можно было сжечь.

Виктор Палыч впервые за долгое время перестал изображать мебель у двери.

— Умный ваш Ян. Или старый.

Ася протянула лист Лере.

Та не взяла сразу.

— Ты читала его вслух?

— Да.

— При ком-нибудь?

— Нет. Только сама.

— Что-нибудь происходило после этого?

— Нет.

— Сны? Сообщения? Сбои? Странные звонки?

Ася хотела сказать “нет”, но запнулась.

— Что? — спросил я.

— Один раз… после того как я читала, у нас дома погас свет. Но на минуту. Я думала, просто пробки.

— Когда?

— Позавчера.

Я вспомнил позавчерашний вечер. Я тогда сидел на кухне с ноутбуком, Ася была в комнате, за стеной тихо играла музыка. Свет действительно моргнул. Я даже не встал — система сама всё восстановила.

Система сама всё восстановила.

Фраза, которая раньше успокаивала.

Лера взяла лист. Развернула. Прочитала.

Её лицо почти не изменилось, но я заметил, как она задержала дыхание на середине.

— Прочитай вслух, — сказал я.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не знаю, что именно в нём работает.

— Работает?

— Кирилл, слова всегда работают. Просто раньше для этого нужны были площадь, толпа, газеты, радио. Теперь иногда достаточно правильной фразы в правильном профиле.

— Это песня, — сказала Ася. — Не вирус.

— Одно другому не мешает.

Лера сложила лист и положила перед собой, прижав ладонью.

— Ася, Ян говорил тебе что-нибудь ещё? Кроме “первого замка”?

Дочь посмотрела на меня. Потом на Леру.

— Он сказал, что мой отец однажды уже выбрал безопасность.

Я почувствовал, как у меня пересохло во рту.

— Когда?

— Не знаю.

— Ася.

— Я правда не знаю! Он сказал: “Спроси его, почему твоя мама не доехала”. Я решила, что он просто… что он нашёл старые новости. Про аварию.

В комнате стало очень тихо.

Даже часы на стене, казалось, стали тикать осторожнее.

Маша погибла семь лет назад. Официально — случайность: грузовик, мокрая дорога, сбой в ручном управлении, водитель уснул, страховка, следствие, заключение, компенсация, соболезнования. Тогда Слой ещё не был общегородским. Тогда многое ещё можно было списать на человеческий фактор.

Я много лет жил с мыслью, что если бы система была готова раньше, она бы спасла Машу.

Эта мысль была отвратительной, но удобной. Она давала горю направление. Я не просто потерял жену. Я получил миссию. Построить мир, в котором такие случайности будут невозможны.

Лера смотрела на меня так, будто слышала все эти мысли.

— Кирилл, — сказала она медленно. — Ты должен кое-что послушать.

— Что?

Она достала из ящика старый диктофон. Серый, поцарапанный, с маленьким экраном и облезшей кнопкой записи. Такие устройства раньше покупали журналисты, студенты и люди, которые не доверяли памяти.

— Пять лет назад, когда я уходила из проекта, мне передали запись. Не через сеть. Физически. В конверте. Я решила, что это подделка. Потом начались первые случаи D-0. Потом появился термин “первый замок”. Сегодня ты пришёл с дочерью, которую остановили из-за песни, написанной человеком без профиля.

— Кто передал?

— Курьер. Настоящий. На велосипеде. Без приложения.

— Удобно.

— Очень. Поэтому я пять лет надеялась, что это чья-то больная шутка.

Она нажала кнопку.

Сначала был шум. Шипение, треск, будто запись много раз копировали или делали в помещении, где рядом работала старая вентиляция.

Потом мужской голос. Тихий, усталый.

— Слой не прогнозирует будущее. Он выбирает, какое будущее считать допустимым.

Пауза.

Щелчок.

— Первый замок — это не защита от внешней угрозы. Это защита системы от человеческой непредсказуемости. Пока человек может выбрать не по модели, система считает его дефектом среды.

Шум стал громче.

Я наклонился ближе, сам не понимая зачем.

Потом зазвучал другой голос.

Женский.

И мир остановился.

Не образно. На самом деле: все звуки, все запахи, вся комната с лампой, чаем, фотографиями и мокрыми куртками ушли куда-то далеко. Остался только голос.

Чуть хриплый. Тёплый. С усталой улыбкой в конце фраз.

Голос Маши.

— Кирилл однажды поймёт, — сказала моя мёртвая жена. — Только будет поздно. Не дайте ему снова выбрать безопасный путь.

Я не двигался.

Не дышал.

Ася медленно повернулась ко мне.

В её глазах был не страх. Не ужас. Даже не вопрос.

Там было что-то хуже.

Ожидание, что я сейчас объясню.

Как всегда.

Как взрослый.

Как отец.

Как человек, который строил систему, потому что не смог спасти её мать.

Лера выключила диктофон.

В задней комнате книжного магазина стало так тихо, что я услышал, как за стеной тикают десятки старых часов. Каждый механизм отсчитывал своё время, немного не совпадая с другими. И от этого казалось, что время здесь не идёт вперёд, а расходится во все стороны сразу.

— Откуда у тебя это? — спросил я.

Голос у меня был чужой.

Лера посмотрела на меня.

— Я надеялась, что ты мне скажешь.

Ася едва слышно произнесла:

— Пап… это была мама?

Я хотел сказать “нет”.

Очень хотел.

Потому что иногда ложь — это не способ обмануть другого. Иногда это последняя попытка не рухнуть самому.

Но Лера сказала: не ври ей.

И, кажется, впервые за вечер я послушал.

— Да, — сказал я. — Это был её голос.

Ася закрыла глаза.

Виктор Палыч у двери тихо выругался. Не зло. Скорее так, как люди ругаются, когда понимают: обычной бедой дело уже не ограничится.

Лера убрала диктофон ладонью, словно боялась, что он заговорит снова.

— Тогда нам нужно понять две вещи, — сказала она. — Первая: почему голос твоей жены оказался на записи, сделанной после её смерти. Вторая: почему человек без профиля привёл твою дочь именно к этому тексту именно сегодня.

— А третья? — спросила Ася.

Лера посмотрела на неё.

— Третью ты уже знаешь.

— Нет.

— Знаешь. Просто не хочешь произносить.

Ася сглотнула.

— Нам нельзя домой.

— Не только домой, — сказала Лера.

Она встала, подошла к бумажной карте Москвы на стене и провела пальцем по нескольким красным линиям.

— Вам нельзя туда, где Слой ожидает вас увидеть.

Я посмотрел на карту.

На ней не было привычных маршрутов, подсказок, уровней риска, цветных зон трафика. Только улицы, переулки, старые дворы, проходы, тупики, подземные переходы, синие и красные линии, проведённые от руки.

Старая карта.

Город без рекомендаций.

Город, который ещё можно было помнить самому.

— А где он нас не ожидает? — спросил я.

Лера сняла карту со стены и положила на стол.

— Там, где люди давно перестали быть удобными.

Она ткнула пальцем в маленький круг на краю города.

— Начнём отсюда. С места, которого официально нет уже семь лет.

Я посмотрел на точку.

И узнал адрес.

Именно там погибла Маша.

Глава 3. Место, которого нет

Я не сразу понял, что именно показывает Лера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.